Г.Н. Козуб, С. И. Кононенко

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

В статье анализируется язык художественного произведения. Обращается внимание на малоизученное творчество Велимира Хлебникова, ярчайшего представителя футуризма. Авторы исследуют поэтическую картину мира Хлебникова, истоки экспериментального начала, парадоксальной оригинальности его стихов. В статье обращается внимание на смешение жанров, что объясняется интересом Хлебникова к истории, античности, мифологии и возникновением идей: «преодолимого времени» и «звёздного» языка.

Ключевые слова: язык художественного произведения, футуризм, эгофутуристы, кубофутуристы, звёздный язик, поэтическая картина мира.

У статті аналізується мова художнього твору. Звертається увага на маловивчену творчість Велимира Хлєбнікова, найяскравішого представника футуризму. Автори досліджують поетичну картину світу Хлєбнікова, витоки експериментального початку, парадоксальноъ оригінальності його віршів. У статті звертається увага на змішування жанрів, що пояснюється інтересом Хлєбнікова до історії, античності, міфології і виникненням ідей: «переборні часу» і «зоряної» мови.

Ключові слова: мова художнього твору, футуризм, егофутуристи, кубофутурісти, зоряна мова, поетична картина світу.

The article analyzes the language of the work of art. Attention is drawn to the poorly studied work of Velimir Khlebnikov, the brightest representative of Futurism. The authors study the poetic picture of the world of Khlebnikov, the origins of the experimental principle, the paradoxical originality of his poems. The article draws attention to the confusion of genres, which is due to Khlebnikov's interest in history, antiquity, mythology and the emergence of ideas: "the time to be overcome" and the "stellar" language.

Key words: the language of the artistic work, futurism, ego-futurists, cubofuturists, starry language, poetic picture of the world.

Поэзия футуристов зачастую сложна для восприятия не только в школьном возрасте, но и для взрослого читателя. Отсюда её неприятие, непонимание. Об этом хорошо сказал известный историк языка Б.А. Ларин: « Поэзии нет бессмысленной, есть непонимание её».

В плеяде поэтов, относящихся к «серебряному веку», ярко сияет звезда Велимира Хлебникова. Значение Хлебникова в развитии русской литературы 20 века, его достижения в области слова невозможно определить сразу и навсегда. Хлебникова надо чувствовать, ощущать, видеть, ведь каждое его слово, даже самое фантастическое звукосочетание – всегда точный, яркий «словообраз». Энциклопедизм поэта и многообразие творческих ориентаций связывают его имя с именами Пифагора, Платона, Лао-цзы, Лейбница, Ломоносова, Пушкина, Эйнштейна. Необычность, «диссонантность» хлебниковского словотворчества подсказывают характеристику художника – «Скрябин слова», «Пикассо в слове». Его талант неизмерим, он просто гений,» великолепнейший рыцарь поэзии» (В.Маяковский).

Велимир Хлебников представляет одно из известных течений модернизма – футуризм. Русский футуризм – явление уникальное и радикальное.

Во внешней судьбе русского футуризма (от лат. futurum – будущее) есть что-то, напоминающее судьбы русского символизма. Такое же яростное непризнание всего при первых шагах, скандальный шум во время рождения и вслед за этим - быстрое признание передовых слоёв литературной критики, триумф, огромные надежды, а далее – внезапный срыв и падение в пропасть в тот момент, когда, казалось, открываются новые, небывалые доселе в русской поэзии возможности и горизонты. Родиной футуризма официально считается Италия. Первый « Манифест о футуризме» Маринетти был опубликован в газете «Фигаро» в Риме 20 февраля 1909 года. Русский футуризм начал с того, к чему

значительно позже пришёл футуризм Маринетти. Основным его тезисом была вначале не столько проповедь новой идеологии, воспевание темпа современной жизни (что было основным у Маринетти), сколько проповедь новой эстетики, отношения к слову как материалу, из которого строится стихотворение.

Первые манифесты московских «кубофутуристов», написанные Д.Бурлюком, А. Кручёных, В. Маяковским и В. Хлебниковым, были посвящены слову. Слово они считали творцом мифа, богатство словаря поэта – его оправдание. Это была реакция против «музыки стиха» символизма во имя самоценности слова. Слово понималось не как орудие выражения мысли, а как самоцель. Это устремление породило небывалое словотворчество, в конечном счёте приведшее к теории «заумного языка». Русский футуризм дал не только теорию «заумного языка». Исключительно одарённый В. Хлебников открыл для будущей русской поэзии действительно новые возможности и горизонты. Его словотворчество не было бессмысленным набором первых попавшихся звуков. Он создавал новые слова, не нарушая законов русского языка, а лишь дополняя и развивая их. По пути, намеченному В. Хлебниковым, шли В. Каменский, Божидар, Е. Гуро, Н. Асеев. Русских «кубистов» трудно сравнить с западными футуристами. Да они и сами упорно, с лёгкой руки В. Хлебникова, называли себя «будетлянами».

Впрочем, одним словотворчеством (отличительной особенностью «кубофутуристов») русский футуризм не ограничивался. Наряду с течением Хлебникова, в нём были и другие элементы, более подходящие под понятие «футуризм», роднящие русский футуризм с его западным собратом. Необходимо выделить в особую группу ещё одну разновидность русского футуризма – «эгофутуристов». Во главе этого течения стояли И.Северянин, Василиск Гнедов, И. Игнатьева, К. Олимпов, Г. Иванов (впоследствии – акмеист) и будущий основатель «имажинизма» В. Шершеневич. «Эгофутуризм» предшествовал «кубофутуризму» и отличался от него своим кредо:

1) душа – единственная истина;
2) идея самоутверждения личности;
3) поиски нового без отвержения старого (вспомним для сравнения девиз кубистов:»Сбросить Пушкина, Достоевского, Толстого с парохода современности»);
4) осмысленные неологизмы;
5) смелые образы, эпитеты, ассонансы, диссонансы и т.д.

Значительно ближе к Западу, чем футуризм Хлебникова и Северянина, был уклон, обнаружившийся в творчестве В. Маяковского, Н.Асеева, С. Третьякова. В их творчестве отразились динамика, огромный размах и титаническая мощь современного индустриального города, что приближает эту группу футуристов к программе Маринетти. В отношении русского футуризма к городу всегда проявлялась враждебность, бунтарская стихия. Кроме того, футуризм Маринетти полон жизни, радости, бодрости, русский – надрыва, истерики, боли, крика., что так характерно для всей русской литературы после Достоевского.

Ещё одна группа футуристов, сконцентрировавшихся вокруг основанного С. Бобровым издательства «Центрифуга» (ранний Н.Асеев, Б.Пастернак), своеобразно сочетала чистую лирику, ведущую начало от Языкова, со стилистическими и техническими достижениями кубофутуристов.

Новаторство и странность судьбы Велимира Хлебникова сделали его легендой в поэзии 20 века. Главное его качество – ни с чем не сравнимая парадоксальная оригинальность. Хлебников испытал на себе влияние предшествующей русской поэзии – «Слова о полку Игореве» и русского былинного эпоса. Отсюда - смешение жанров, что всегда раскрывает перед поэтом богатейшие возможности. Интерес Хлебникова к истории, к античности, мифологии повлёк за собой возникновение идей: «преодолимого времени» и «звёздного» языка.

Осуждение западной цивилизации, противопоставление города и деревни, тождественность человека и Вселенной, единство времени и пространства составляют основные параметры поэтической картины мира у Хлебникова. Идея «государства времени» или «преодолимого времени», в которой время и пространство обмениваются своими функциями, передаёт стремление поэта познать будущее в настоящем. Настоящее превращается в некую реальность, в которой помещаются прошлое и будущее, наподобие пространственных фрагментов. История же подразумевает смещение временных пластов, что позволяет ставить в один ряд разнородные явления:

Усадьба, ночью чингисхань!
Шумите, синие берёзы.
Заря ночная, заратустрь!
И небо синее, моцарть!
И сумрак облака, будь гойя!
Ты ночью, облако, роопсь!
(«Усадьба ночью»)

Здесь обращают внимание индивидуально-авторские слова, которые несут в себе не только символы, но и значения несколько иной специфики: признак рода деятельности исторических лиц(Моцарт – композитор, следовательно, небо, сочиняй музыку, пой, играй всеми цветами своей палитры. Роопс – живописец, облако – рисуй, создавай картины. Чингисхан – завоеватель, роэтому усадьба ночью должна бушевать, свирепствовать). Поэт создаёт удивительно эмоциональную картину.

«Звёздный» язык является попыткой создания некоего всеобщего языка, основанного на идее, что согласные в определённом положении связаны с содержательной направленностью слова. Так фонетика становится поэтикой:

Чезори голубые
И нрови своенравия
(«Сияющая вольза»)

Если учесть что звук «ч» у Хлебникова обозначает оболочку чего-либо, слово «зори» употреблено в переносном значении «глаза», то новое слово «чезори» поэт определяет как метафору глаз, т.е. блестящие или прекрасные, как зори, заключённые в какую-либо оболочку (возможно, ресницы).

Экспериментальное начало стихотворения было центральным моментом у Хлебникова. Он пишет:»Языкознание даёт право населить новой жизнью вымершими или не существующими оковами оскудевшие волны языка». Слову «ветер» означает «петер» от глагола «петь»: «это ветра ласковый петер»…

Рассмотрим несколько небольших стихотворений:

О, достоевскиймо бегущей тучи!
О, пушкинисты млеющего полдня!
Ночь смотрится, как Тютчев,
Безмерное замирным полня.
(«О, достоевскиймо»…)

До Хлебникова никто так смело не сопоставлял имя собственное с явлениями природы. Можно ли ярче выразить состояние окружающего мира, точнее описать летний «млеющий» полдень, неуловимую изменчивость бегущих туч? Естественно, восприятие данных слов индивидуально для каждого читающего, ведь и Достоевский, и Пушкин у каждого свой.

Но Хлебников, учитывая эти особенности восприятия, дал своё понимание великих художников: зыбкий Достоевский (туча), раскалённый, яркий Пушкин (полдень), таинственный мистик Тютчев (ночь). Необходимо обратить внимание на последнюю строку стихотворения: безмерное (т.е. неизмеримое, неохватное) заполняя замирным, находящееся за пределами человеческого разума: мир Пушкина, Достоевского, Тютчева, внутренний мир каждого человека.

Ещё одно стихотворение поэта:

Мне мало надо!
Краюху хлеба.
И каплю молока,
Да это небо,
Да эти облака!
(«Мне мало надо»…)

Стихотворение может показаться слишком простым и даже несколько примитивным. У Хлебникова каждое слово несёт в себе несколько значений. Хлеб и молоко обозначают не только пищу, сколько мир физический, телесный, земной, а небо и облака – мир мечты и фантазии, мир человеческой души. Несколько строк охватывают всю жизнь человека, его насущные желания, потребности, его суть.

«Слова особенно сильны, когда они имеют два смысла, когда они - живые глаза для тайны, и через слюду обыденного смысла просвечивает второй смысл…» Это утверждение Хлебников доказывал каждым своим новым словом, каждой строкой своих творений. И очень жаль, что неповторимый поэт, великий художник многими остаётся непонятым. Он словно предчувствовал не пришедшую до сих пор и неразгаданную тайну в стихах:

Ещё раз, ещё раз
Я для вас
Звезда.
Горе моряку, взявшему
Неверный угол своей ладьи
И звезды:
Он разобьётся о камни,
О подводные мели.
Горе и вам, взявшим
Неверный угол сердца ко мне.
Вы разобьётесь о камни,
И камни будут надсмехаться
Над вами,
Как вы надсмехались
Надо мной.
(«Ещё раз…»)

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев В.Р. Лобачевский слова // Русская речь.- 1985.- №3.- С.22-28.
Козуб Г.Н. Стилистическое своеобразие окказиональных образований Андрея Белого // Национальное своеобразие культур и литератур. Международный сборник научных сообщений, посвященный 50-летию Измаильского гос. Пединститута.- Измаил, 1995.
Поляков М. Велимир Хлебников. Мировоззрение и поэтика// Хлебников Велимир. Творения. – М., 1967.
Седакова О.А. В. Хлебников – поэт скорости // Русская речь.- 1985.-№5.- С.29-35.
Хлебников Велимир. Творения.- М., 1967.
Шамурин К.И. Основные течения в русской дореволюционной поэзии. Русская поэзия 20 века. Антология русской лирики первой трети 20 века.- Изд-во «Амирус», 1991.- С. 19-35.